

Чжунли Буфу перевел взгляд на Ядовитого Паука, который все еще сидел в углу и бормотал что-то себе под нос. Он вспомнил, что перед посадкой на корабль Цзян Хэ намекнул, будто хотел бы оказаться в одной камере с Пауком. Тогда он не знал, что замышляет Цзян Хэ, но, поскольку это не было чем-то важным, просто выполнил его просьбу. Теперь стало ясно, что внезапное убийство, скорее всего, было делом рук Цзян Хэ.

Однако, по его мнению, все эти заключенные были обречены на смерть, и один больше или меньше не имело значения. А Цзян Хэ был его шпионом, внедренным во дворец бессмертных Думэн. Разница в значимости была очевидна, и не было необходимости углубляться в расследования.

Поэтому он решительно махнул рукой:

— Уведите на корму, расстреляйте и выбросьте в море.

Охранники приняли приказ и увели его. Ло Ханьсинь смотрел вслед удаляющемуся Пауку и думал о том, что тот раньше сидел в одной камере с Лу Цы. Ему стало не по себе, и он пробормотал с жалобой:

— Таких сумасшедших вообще не следовало пускать на корабль! А что, если он в припадке убьет всех в камере?

Чжунли Буфу знал его мысли и успокоил:

— Ты разве не знаешь мастерства А-Цы? Даже сразившись с Пауком, он не обязательно проиграет.

Ло Ханьсинь всё еще хмурился и ворчал:

— Знал бы я, лучше бы посадил каждого в отдельную камеру.

Чжунли Буфу больше не стал говорить, но в душе подумал: хотя Великая церемония Помилования проводится в тайной обители Цанлин, на самом деле состязание начинается с момента посадки на корабль.

В конце концов, в Великой церемонии Помилования побеждает только один, а остальные умирают в тайной обители. Так какая разница, умрут ли они во время церемонии или на корабле?

Отказ от отдельного содержания заключенных — это возможность для тех, кто имеет шансы на победу, начать борьбу заранее. Это как скрытое правило, которое понимают только умные.

Теперь Цзян Хэ использовал это правило, чтобы устранить опасного соперника, что только подтвердило его хитрость и стремление к победе.

Чжунли Буфу посмотрел на морскую гладь вдалеке и подумал: «Один Цзян Хэ уже как волк, а теперь еще и Лу Цы, который в тайной обители считался “лучшим”. Исход нынешней Великой церемонии Помилования действительно трудно предсказать».

...

В трюме корабля, в железной клетке.

После произошедшего атмосфера в камере стала крайне напряженной. Без Ядовитого Паука,

который все время бормотал в углу, камера стала необычайно тихой, так что можно было услышать падение иголки.

Цзян Хэ хотел поболтать с Лу Цы, но, видя, что тот не в настроении, решил не настаивать. Сложив руки за голову, он прислонился к стене и закрыл глаза.

Лу Цы некоторое время смотрел на еще не высохшую кровь на полу, затем оторвал взгляд и решил больше не думать об этом, сосредоточившись на предстоящей Великой церемонии Помилования.

Чжунли Буфу говорил, что испытания на церемонии связаны с преступлениями заключенных. Хотя у Лу Цы не было воспоминаний о прошлом Сун Чжуна, он примерно понял его историю из свитка:

Сун Чжун родился в бедной семье. Его отец умер, когда он был еще ребенком, и мать одна растила его, зарабатывая на жизнь шитьем и стиркой.

В пять-шесть лет он работал на пруду, собирая лотосы и выкапывая корни. Позже владелец аптеки взял его к себе домой в качестве слуги для своего сына.

Он проработал слугой более десяти лет. Когда ему было семнадцать, его мать умерла, и он на некоторое время исчез. Когда он снова появился, это было на месте преступления.

Он был арестован за убийство богатого торговца и отправлен на террасу Сюаньцзин, где после двух судебных процессов отказался признать вину и в конце концов умер в тюрьме.

...

Пять дней спустя, Восточное море.

На горизонте появился огромный огненно-красный диск солнца, очерчивая контуры широкого острова — Сихэ, места, где рождается солнце.

Огромный корабль террасы Сюаньцзин медленно приближался к острову, а охранники уже спустились в трюм, чтобы разбудить заключенных, которые все еще спали.

Не видя солнца и луны в течение нескольких дней, Лу Цы уже потерял счет времени. Услышав крики охранников, он понял, что наконец-то прибыл в тайную обитель Цанлин.

Двери камер открылись, и охранники, выстроившись по обе стороны, повели заключенных по лестнице на палубу.

Долгое время не видя света, Лу Цы прищурился, когда ступил на палубу. Когда глаза привыкли к свету, он посмотрел вдаль и почувствовал легкий трепет.

Сихэ теперь выглядел совсем иначе, чем в его воспоминаниях. Когда-то это было место, где драконы скользили в воде, а журавли парили в небе, но теперь от былой красоты не осталось и следа. Раньше земля была усеяна редкими цветами и травами, но теперь, несмотря на зеленую растительность, она потеряла всякую живость. Вся обитель была окутана густым туманом, напоминая древний темный лес или потускневшую картину весны.

На берегу уже стояли три огромных корабля, каждый с разным носом и парусами.

Первый был корабль дворца бессмертных Чжэньянь с головой быка. Паруса были темно-синего

цвета с огромной белой головой быка в центре, а на борту были ученики в темно-синих одеждах.

Второй был корабль дворца бессмертных Хуаньгу с головой змеи. Красные паруса были украшены золотой вышивкой в виде змеи, а на палубе стояли девушки в красных одеждах с мечами, полные энергии и грации.

Третий был корабль дворца бессмертных Думэн с головой оленя. Паруса были белыми, как бумага, с изображением оленя с длинными рогами, а на палубе были ученики в белых длинных одеждах, словно бессмертные.

На краю обители был построен широкий каменный помост, напоминающий причал или смотровую площадку. На нем были расставлены сиденья, и два из них уже были заняты.

Лу Цы издалека увидел, что слева сидела женщина в красной накидке с двумя молодыми девушками позади. Это, несомненно, была старшая сестра Мисан Яюэ. Справа сидел человек в широких синих одеждах с веером в руке, сидящий в расслабленной позе. Это был старший брат Цзи Шиянь.

Еще одно сиденье было пусто, но рядом стояли две женщины в белых одеждах, вероятно, подчиненные Цзи Учжоу, но сам он отсутствовал.

Заклученные на палубе уже начали возбужденно обсуждать, кто-то восхищался девушками из дворца бессмертных Хуаньгу, а кто-то мечтал стать подчиненным Мисан Яюэ.

— Эй, видишь? — Цзян Хэ толкнул Лу Цы локтем и кивнул в сторону помоста. — Та, что сзади у владыки Мисан, слева. Эта девчонка и вышла живой с прошлой Великой церемонии Помилования.

Лу Цы кивнул, вспомнив, что в камере Цзян Хэ говорил, что знает человека, который выиграл церемонию, и теперь он живет в роскоши. Видимо, он имел в виду эту девушку.

Их корабль уже приблизился к берегу, и охранники начали спускать заключенных по трапу, но не на помост, а на круглую низкую платформу, возвышающуюся над водой всего на несколько дюймов. Она была окружена невысоким забором и, видимо, предназначалась для временного содержания заключенных.

Когда трап был установлен, охранники повели заключенных на платформу, а Ло Ханьсинь подтолкнул Чжунли Буфу к носу корабля, откуда они поднялись на помост с сиденьями.

— О, брат Чжун приехал, — Цзи Шиянь с улыбкой приподнял веер.

Ло Ханьсинь скривился и поправил:

— Чжунли, Чжунли! Сколько лет прошло, а ты до сих пор путаешь?

— А, да-да, — Цзи Шиянь притворно стукнул себя по голове веером. — Смотри-ка, какая память.

Ло Ханьсинь с презрением скривился, затем, собравшись с духом, торжественно поклонился Мисан Яюэ:

— Старшая сестра.

Из четверых Ло Ханьсинь был самым младшим, а остальные трое были одного возраста. Но поскольку Мисан Яюэ прибыла в обитель раньше всех, она стала их старшей сестрой.

Мисан Яюэ происходила из знатной семьи с запада. Хотя она выросла в обители, ее статус был известен с самого начала, и ученики относились к ней с большим уважением. Она с детства была серьезной и строгой, и Ло Ханьсинь всегда вел себя с ней очень почтительно.

На этот раз, когда он назвал ее «старшей сестрой», Мисан Яюэ даже не взглянула на него, а лишь холодно отвернулась.

Ло Ханьсинь почувствовал себя неловко, но он уже привык к такому отношению. Хотя он не понимал, почему, но, похоже, с тех пор, как они покинули обитель, старшая сестра всегда вела себя так.

<http://bllate.org/book/16826/1565184>